

Выходные данные:

15-летие «Революции роз» в Грузии: за и против // Юридическая наука в XXI веке // Сборник научных статей по итогам работы заключительного международного круглого стола. 28-30 декабря 2018 г. - Шахты: ООО «Конверт», - 2018. – С. 106-109.
ISBN 978-5-6042055-7-0

УДК 323.272, 323.276

15-ЛЕТИЕ «РЕВОЛЮЦИИ РОЗ» В ГРУЗИИ: ЗА И ПРОТИВ

Бочаров А.В.

Уральский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Екатеринбург

В статье рассмотрены различные аспекты, посвящённые итогам «революции роз», начавшейся в Грузии в 2003 году и закрепившей приход к власти президента Саакашвили М.Н., в контексте «цветных революций». Отражён их многофакторный генезис и неоднозначность последствий.

Ключевые слова: революция роз, цветные революции, Грузия, итоги, последствия, выборы, демократизация, парламентская республика

2003 год для представителей political science и для политиков-практиков стал отсчётным: после так называемой «революции роз» в Грузии началось активное теоретическое осмысление и публичная артикуляция понятием «цветных революций». Большинство оценок произошедших событий варьируются между прямо противоположными полюсами.

Правящие круги и инкумбенты в государствах постсоветского пространства в силу объективно понятной заинтересованности в удержании статус-кво, как правило, трактуют «цветные революции» и «революцию роз» как их первый частный случай в границах бывшего СССР преимущественно негативно: инспирированный из-за рубежа переворот, эрозия государственности, попадание институтов власти под зависимость извне, утрата суверенной идентичности. Их оппоненты придерживаются противоположных оценок и заняты поиском доказательств улучшения

ситуации в Грузии после 2003 года: экономическая стабилизация и рост, демократизация с регулярной сменяемостью власти, подавление организованного криминалитета, реальное противодействие коррупции, интеграция в Европейский Союз (безвизовый режим).

В российском политическом и пропагандистском дискурсах негативное отношение к смене грузинского режима пятнадцатилетней давности до сих пор проявляется в публичных экспрессивных выражениях на уровне высшего руководства страны. Для медийной наглядности персонифицированным объектом-символом эмоциональной критики выступает Саакашвили М.Н., один из лидеров «революции роз», получивший по её итогам в 2004 году президентский пост. Причём трансляция идеологием против Саакашвили продолжается спустя несколько лет после истечения его полномочий. Так, в декабре 2017 года президент РФ Путин В.В. на большой пресс-конференции заявил: «Считаю, что то, что делает Саакашвили, это плевок в лицо грузинского народа... Так жалко на это смотреть. У меня сердце кровью обливается». На этом же мероприятии президент РФ, традиционно избегая публичных упоминаний «несистемного» оппозиционера Навального А.А., риторическими вопросами, почти нарицательно, идентифицировал его с бывшим главой Грузии: «Вы хотите, чтобы у нас по площадям бегали десятки таких... Саакашвили? Вот те, кого Вы назвали, это Саакашвили, только в российском издании. И Вы хотите, чтобы такие Саакашвили дестабилизировали ситуацию в стране? Вы хотите, чтобы мы переживали от одного майдана к другому? Чтобы у нас были попытки государственных переворотов?» [1].

«Цветную революцию» в конвенциональном понимании политологического сообщества можно характеризовать как сопровождаемую массовой динамикой, под лозунгами демократизации, относительно бескровную смену верховного политического руководства (политического режима) в стране, с разной степенью внешнеполитического вмешательства посредством деятельности сети неправительственных организаций (реже –

без такового). «Цветные революции» свойственны развивающимся странам, с низким уровнем экономического развития и непрозрачной (клановой) политической системой. В этом смысле «революция роз» представляла собой многофакторную квинтэссенцию различных процессов, обусловленных противоречиями в экономике, политике, социальном устройстве грузинского общества, каким оно оказалось в финале коррумпированного правления президента Шеварднадзе Э.А., наследника Грузинской ССР.

Неоднозначность последствий смены режима в «краю вечной весны» в начале XXI века признавали и те исследователи, которые априори оценивали роль событий в Тбилиси, скорее, в позитивном ключе. «Революция принесла всё сразу: весомые результаты и упущенные возможности, основания для оптимизма и тревогу за будущее страны, - в 2006 году резюмировал директор академии международных исследователей им. Макдонелла в Вашингтонском университете в Сент-Луисе Джеймс В. Верч. - За прошедшие два года были достигнуты серьёзные успехи, которыми Грузия может гордиться, но в то же время ожидания, связанные с революцией, оказались... чрезмерно оптимистичными» (2, с. 63).

Вместе с тем, с 2004 года наблюдались позитивные результаты налоговой и антикоррупционной реформ. «Многие виды предпринимательской деятельности... вышли из теневой экономики вследствие корригирования налогового законодательства. Кроме того, наблюдается резкий рост доходов из других источников, в частности таможенных пошлин, введённых после реинтеграции Аджарии в Грузию» (2, с. 66).

Международно-подтверждаемым результатом деятельности правительства, пришедшего к власти на волне «революции роз», является, в том числе, то обстоятельство, что за пять лет, к 2009 году, Грузия в рейтинге Всемирного банка - «Легкость ведения бизнеса» (Ease of Doing Business Index) - вошла в первую десятку стран-лидеров [3].

Фиксируемые в первые постреволюционные годы репрессивные аресты («затем с арестованными вели переговоры об освобождении в обмен на уплату налогов» [2, с. 75]), судя по всему, были преимущественно временными и не получили долгосрочного тренда. Сравнительно быстрое купирование неправовых практик можно объяснить в целом демократическим характером грузинского государства, установившимся после «революции роз» и характеризующимся конкурентными выборами, сменяемостью власти, институциональным переходом к парламентской республике [4, с. 79-80].

К положительным итогам «революции роз» также следует отнести внедрение системы предоставления государственных услуг в более цивилизованной форме. «Были созданы Дома юстиции, внедрена практика «Службы единого окна», сформировались центры различных услуг: например, Бюро реестра, служба выдачи водительского удостоверения и т.д. Упрощение обслуживания и укомплектование молодыми кадрами, в основном имевшими высшее образование, упразднение устаревших структур вызвало ликвидацию так называемой бытовой коррупции», - полагает в своей работе за 2017 год Э.Г. Меквабишвили, заведующий кафедрой теоретической экономики Тбилисского государственного университета им. И. Джавахишвили [3].

С одной стороны, в качестве неудачи «революции роз» зачастую выдвигается тезис о падении рейтинга Саакашвили М.Н. и окончательном проигрыше его партии «Единое национальное движение» на парламентских выборах 2012 года и, по сути, бегстве её лидера из страны до завершения президентских полномочий в 2013 году. С другой стороны, если рассматривать эти события концептуально и абстрагировано от личности бывшего президента, то представляется обоснованным противоположный вывод. Ненасильственная смена власти в рамках конституционной цикличности, переформатирование политического устройства в сторону парламентской республики – сами по себе являются признаками

нормализации и предсказуемости политической жизни Грузии, базовыми условиями долгосрочного инвестиционного планирования.

Более того, отдельные исследователи высказывают предположения, что необходимая «парламентаризация» политической системы в Грузии запаздывает: «Если бы в 2003 году Конституция была бы преобразована в парламентскую модель с пропорциональным представительством, как в континентальной Европе, режим, пришедший к власти, был бы лучше защищён от своего крайнего высокомерия и произвола» [5, с. 50]. Конкурентные электоральные процедуры и усиление роли законодательной власти воспринимаются как прививка от авторитаризма и залог «стратегической нормальности» политической системы и её самосохранения.

В заключение отметим, что в настоящее время, по истечении полутора десятилетий после «революции роз», в широких слоях грузинского общества и в политическом истеблишменте сложно найти тех, кто выражал бы категоричное сожаление о событиях 2003-2004 годов и желание повернуть время вспять, пролонгировав режим Шеварднадзе. «Революцию роз», с учётом обманутых надежд, воспринимают без прежнего ореола романтики, но как необходимый этап, «обязательный шаг» [6] в историческом движении страны.

Литература:

1. Большая пресс-конференция Владимира Путина // Официальный сайт Президента РФ. 14.12.2017 [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/56378> (дата обращения: 23.11.2018).
2. Верч Джеймс В. Грузия после «революции роз» // Кавказ и глобализация. 2006. Том 1(1). С. 62-77.
3. Меквабишвили Э.Г. «Блеск и нищета» авторитарного модернизма: опыт Грузии // Universum: общественные науки. 2017. №3 (33). [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/blesk-i-nischeta-avtoritarnogo-modernizma-opyt-gruzii> (дата обращения: 24.11.2018).
4. Акматалиева А. Цветные революции и парламентская демократия в Грузии и Кыргызстане // Центральная Азия и Кавказ. 2013. Выпуск 2. Том. 16. С. 69-84.

5. Мусхелишвили М. Грузия в новой волне преобразований // Кавказ и глобализация. 2010. Выпуск 1-2. Том 4. С. 42-51.

6. «Это был гигантский народный протест». Как в Грузии произошла первая смена режима на постсоветском пространстве // Хартия'97. 24.11.2018 [Электронный ресурс]. URL: <https://charter97.org/ru/news/2018/11/24/313968/> (дата обращения: 25.11.2018).

The article discusses various aspects of the “rose revolution”, which began in Georgia in 2003 and consolidated the coming to power of President Saakashvili M.N., in the context of the “color revolutions”. Their multifactor genesis and ambiguity of consequences are reflected.

Keywords: rose revolution, color revolutions, Georgia, results, consequences, elections, democratization, parliamentary republic